

УДК 316; 0133

ПРАВО КАК КЛАССИФИКАТОР ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЯН

Семенов Гаврил Иннокентьевич

Директор Республиканского центра
экологии, туризма
и агротехнологического образования,
г. Якутск, Россия,
e-mail: omoldon@mail.ru

LAW AS THE CLASSIFIER OF THE IDENTIFICATION STRATEGIES OF RUSSIANS

Gavril I. Semenov

Director of Republican center
of ecology, tourism
and agrotechnological education,
Yakutsk, Russia,
e-mail: omoldon@mail.ru

Автор статьи считает, что анализ идентификационных стратегий в российском обществе является неполным, если не принимать во внимание разнообразие идентификационных моделей по отношению к влиянию и значимости фактора права. Основываясь на репрезентативных эмпирических данных, в статье делается вывод о том, что адекватным критерием типологии идентификационных стратегий выступает, во-первых, оценка права сторонниками конкретной идентификационной стратегии; во-вторых, включенность права в социальное самоопределение, социальную самооценку и отношение к другим группам. Автор статьи полагает, что право как классификатор выявляется по отношению личности к государству как носителю права и на уровне межличностных отношений как условия гарантированности индивидуальных прав и свобод.

Ключевые слова: идентификационные стратегии, право, правовая негация, макроидентичность, микроидентичность.

The author believes that the analysis of identity strategies in Russian society is incomplete if it does not take into account the variety of identification models in relation to the impact and the importance of the law-factor. Based on a representative empirical data, the article concludes that the adequate criterion of the typology of the identification strategy is, first, assessment rights supporters the specific identification of the strategy; secondly, the inclusion of law in social self-determination, social self-esteem and attitude towards other groups. The author believes that the law, as the classifier is revealed by the ratio of the individual to the state as the bearer of rights, and at the level of interpersonal relations, like the terms of warranty of individual rights and freedoms.

Keywords: identification strategy, law, legal negation, macroidentity, microidentity.

Рассматривая идентификационные стратегии как поведенческие модели, ориентированные на принятие конкретных идентификационных моделей различными слоями населения и направленные на реализацию определенных целей на основе социального самоопределения, мы учитываем три важных момента. Во-первых, принятие идентификационных моделей в российском обществе, как мы выявили ранее, осложнено, на первый взгляд, отсутствием доминантной идентификационной матрицы. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что россияне испытывают неудовлетворенность не столько обилием часто противоречащих друг другу идентификационных моделей, сколько моделей, соответствующих запросу на социальную адаптацию, упорядочивание социальной жизни, на легитимацию сложившихся социальных отношений и стабильность социальных самооценок.

Во-вторых, идентификационные модели в российском обществе, особенно если мы возьмем сферу социальных макроидентичностей, не являются актуализированными, т. е. не воспринимаются как модели, стимулирующие реальные социальные практики. Так, принятие и актуализация этнической идентичности (мы – русские, мы – якуты) не содержит обязательно солидазирующего или мобилизующего эффекта, притом что 51 % россиян устойчиво обнаруживают ориентацию на этничность [1, с. 41].

В-третьих, это, на наш взгляд, связано с тем обстоятельством, что выстраиваемая система макроидентичностей, хотя и содержит дифференциацию по степени (значительная или незначительная), означает, что население в целом руководствуется макроидентичностями как основаниями для выбора жизненных стратегий. Это подтверждается тем, что в связи с акцентом ценности микромира, личное преуспевание и укрепление связей с кругом близких, понятие сильной связи с макроидентичностью является условным. Очевидно, что в российском обществе макроидентичности являются официальным дискурсом, часто не соприкасаемым с повседневными жизненными практиками, что модальный россиянин, ощущая себя гражданином России, русским или татаринном, руководствуется повседневными жизненно инструментальными и социально эмотивными оценками [2].

Не подвергая сомнению факт, что в обществе есть ценности и потребности, которые становятся цементирующими [1, с. 43], можно говорить о том, что социальные макроидентичности не воспринимаются как инструменты улучшения жизни или придания индивиду большей степени социальной уверенности. Мы можем также констатировать, что на эту ситуацию влияет дифференциация социальных

идентичностей, в которой следует обозначить роль и значимость ресурса права.

Соглашаясь с этой позицией, целесообразным представляется классификация идентификационных стратегий россиян на социальном как макроуровне, так и микроуровне в зависимости от наличия фактора влияния права. В качестве обоснования можно говорить о том, что идентификационные стратегии в российском обществе на основании критерия права можно назвать нигилистскими, неопределенными, или нейтральными, и позитивными [3]. Принимая во внимание определенную условность этого критерия, его следует наполнить конкретным социологическим содержанием.

Поэтому для анализа идентификационных стратегий следует зафиксировать присутствие элементов права в отмеченных выше идентификационных стратегиях. Когда мы говорим о нигилистской идентичности, конечно, имеется в виду не буквальное совпадение с тезисом о тотальном правовом нигилизме российского общества, следует подчеркнуть, что в той или иной мере элементы права присутствуют во всех слоях российского общества, так как признание и применение правовых норм учитывают то, что граждане сталкиваются с разными правовыми ситуациями, и нельзя говорить о правовом нигилизме в чистом измерении.

По нашему убеждению, нигилистские идентичности, которые отрицают или нацелены на предупреждение актуализации правовых норм, по определению относятся к архаичным, т. е. идентичностям, связанным с самопричислением к различным клановым или социально исключенческим структурам. Парадокс состоит в том, что, демонстрируя приверженность к гражданской идентичности (мы – граждане России), в реальных практиках индивид действует через самоопределение к клановой, архаичной общности.

Воздействие права в нормативном смысле состоит в том, чтобы снизить неправовую макирирующую социальную и политическую дифференциацию [1, с. 45]. Но при этом следует учитывать, что этот момент создает трудности на пути восприятия права, так как право не может рассматриваться как фактор разряжения устоявшихся, опривыченных идентичностей. Можно говорить о том, что этническая идентичность, которая в российском обществе реально принимает характер клановой привязанности, резкого разделения на своих и чужих, открывает простор для дробления на групповые идентичности и часто носит негативный мобилизующий смысл именно потому, что является формой самоопределения, направленной на сохранение архаичного поряд-

ка и клановых привилегий, в принципе, не противоречит правовым установкам, если ее понимать как простейшую форму гражданского самоопределения.

Другое дело, что этнизация идентичности в российском обществе фиксирует ситуацию, в которой этничность репрезентируется как противостоящая нивелирующему этничность правовому влиянию. Сам факт равенства перед законом как формула правовой идентичности подвергается сомнению, поскольку якобы в этой позиции неравными оказываются представители малочисленных или невлиятельных этнических групп, или групп с достаточно обостренным этническим и историческим синдромами [4].

Конкретизируя это положение, можно сказать, что нигилистская идентичность является в определенной степени сборной, ее придерживаются как этнонационалистически ориентированные слои населения, так и группы социального исключения. В пользу этого факта говорит то, что склонность к нарушению правовых норм вполне коррелируется с принятием неправовых идентичностей или интерпретации идентичности таким образом, что наблюдается легитимация неправомерного поведения.

Анализируя отношение к праву в российском обществе, можно говорить о том, что к нигилистской идентичности явно примыкают группы, склонные оценивать государственный строй России как анархический (6,2 %) [5, с. 67], так же как и те, кто считает государство авторитарным (6,6 %) [5, с. 68]. Таким образом, по отношению к молодежи можно выявить склонность к нигилистским стратегиям антиавторитаристов и анархистов. Однако такая позиция не является достаточной, поскольку социальная база сторонников нигилистских стратегий шире. Это можно аргументировать тем, что в настроениях россиян, которые внешне придерживаются гражданской идентичности, вполне могут обнаруживаться переломы, связанные с доминированием позиции социальной справедливости над правовыми нормами.

Считая, таким образом, что использование в качестве маркера этнической или гражданской идентичности не является условием для предупреждения нигилистских стратегий, мы можем сказать, что существенное влияние на позицию принятия нигилистской стратегии оказывают не только неоощущение и дистанцированность от социальных макроидентичностей, но и то, принимают ли правовую или неправовую форму социальные макроидентичности.

Формальное отношение к праву предполагает непонимание взаимосвязи права и идентификационных стратегий. Правовые нормы на

этом фоне выглядят как необязательные по отношению к выдвигаемым требованиям индивидуальной и групповой свободы. Так как для большинства россиян приоритетами являются престижная и интересная работа, профессиональная карьера [6], можно считать, что нигилистские идентификации отражают реальный уровень правового нигилизма. Нельзя утверждать при этом, что правовые нормы вообще не интересуют даже представителей этих стратегий, что показывает неудовлетворенность практиками правоприменения, если это осознается как ущемление прав и свобод.

С другой стороны, представления россиян об идеальном праве, как отмечалось ранее, связываются с государством, а не собственно с институтом права, что приводит к пониманию того, что право не выступает идеальным для законопослушных, но выступает идеальным качеством. Анализ приведенных выше социологических данных показывает, что при солидаризации с семьей (64,6 %), с друзьями (63,1 %), товарищами по работе (40,4 %) эти общности нельзя назвать абстрактно символическими, так как влияние права не оказывается ощутимым [6].

Право не принимается в качестве символического поведенческого кода, и, таким образом, внутренняя общность базируется не на явном правовом нигилизме, а принижении роли права по сравнению с тем, что можно назвать действиями по справедливости. Так как в среднем 60 % россиян считают, что система распределения частной собственности в России является несправедливой, так же как и необязательным является то, что государство должно отстаивать интересы всего народа, нигилизм в отношении права проистекает из оценки государства как не реализующего свои функции, т. е. право становится заложником отношения к государству.

Причина, на наш взгляд, состоит в том, что разделенность права и государства, а Российское государство воспринимается правовым меньшинством россиян, направляет идентификационный выбор в пользу нигилистских или полунигилистских в правовом отношении интенций. При этом, хотя для групп, мечтающих о справедливости, абстрактные идентичности вообще важнее, чем для остальных россиян [6], не следует полагать, что существует разделение между сторонниками нигилистских и позитивных в отношении права групп по принципу предпочтения макро- или микроидентичностей. Дело обстоит гораздо сложнее.

Во-первых, как мы отмечали ранее, принятие неправовой идентификационной стратегии может быть не сопряжено с отклонением абстрактных идентичностей, воспринимаемых именно как абстрактные потому, что они находятся на периферии реальных жизненных

стратегий и не связаны с переживанием внутренней общности. Во-вторых, нигилистские стратегии проявляются в разной степени: открытые связаны с авторитаризмом и анархизмом; менее явные – с тем, что неправомерное поведение присутствует на уровне социальных микроидентичностей, ориентированных на повседневные социальные практики. В-третьих, важно отметить, что в российском обществе право, не выполняя роли консолидирующей идеи, имеет больший инструментальный смысл, чем мечта о справедливом обществе, что определяет нигилистскую стратегию в качестве весьма условной, открытой включению элементов права.

Ярко выраженное представление о том, что идентификационные стратегии предполагают социально-эмотивную связь, внутреннюю общность, уменьшает значение правового воздействия. Вместе с тем, как отмечает М.К. Горшков, нельзя игнорировать тот факт, что россияне, хотя и руководствуются интересами своей семьи (60 %) или собственными интересами (20 %), вполне осознают границы неправомерности. Для подавляющего большинства носителей нигилистской идентификационной стратегии правовые нормы хотя бы необходимы для того, чтобы ощущать себя гражданами, следовательно, не находиться полностью в параллельном социальном мире, иметь хотя бы гипотетическую возможность для предъявления собственных социальных претензий и доводов.

В этом смысле наиболее нигилистскими группами выступают представители мелкого и среднего бизнеса, среди которых реально до 80 % бизнеса ведется теневым или полутеневым способом. Поэтому, говоря о правовых ослаблениях для бизнеса, следует учитывать, что необходимо разделять законность претензий, связанных с бюрократическим или рейдерским давлением на бизнес и стремлением к свободе от влияния правовых норм, к выпадению бизнеса из сферы легальной экономики, и получение в конечном счете результата, связанного с тем, чтобы жить независимо от общества и в то же время претендовать на общие социальные блага.

Приведенный анализ показывает, что нигилистские группы могут дифференцироваться по мировоззренческим или социально-экономическим основаниям. В первую группу попадают те, кто по принципиальным соображениям отклоняет воздействие права в силу принятия иной, неправомерной модели жизни и оценки Российского государства как авторитарного или чуждого интересами граждан; с другой стороны, группы, ориентированные на неправомерное поведение как наиболее эффективный способ и социального выживания, и социального преуспевания.

Позиция, что укрепление собственно российской идентичности может сильно сказаться на сокращении привязанности к нигилистским идентификационным стратегиям, не является неоспоримой. Дело в том, что доля населения, оценивающая в России группы лидеров, ставит на первое место рабочих (85 %) [7]. Казалось бы, традиционный подход должен свидетельствовать о высокой степени правового конформизма и отклонении правовых форм поведения, характерного для «честных» людей труда. Но, как видно, эрозия социальной структуры, рост числа самозанятых и ориентированных на мелкий бизнес, увеличивает разрыв между декларируемыми и реальными позициями.

Мы считаем, что уровень правового принятия нигилистских стратегий зависит не столько от заявленной мировоззренческой модернистской позиции, сколько от того, каким образом влияние и значимость права включены в конкретную социально-профессиональную деятельность и согласуются с реальными жизненными стратегиями. Фиксируя, что в социально-профессиональном разрезе наибольшую склонность проявляют представители мелкого бизнеса и самозанятые, мы исходим из того, что для этих групп людей в силу объективных условий (теневизации и полутеневизации) принятие анархической модели поведения на основе коллективного опыта адаптации 90-х гг. XX в. неприятие или избирательное принятие норм права является закрепленным в идентификационном выборе: самоопределение к классу предпринимателей предполагает принятие определенного кода поведения в отношении с гражданами и государством, и делает социальное самоопределение правовым или неправовым на основе того, что правовые нормы ассоциируются с патерналистскими установками.

Говоря о неопределенных или половинчатых идентичностях, совмещающих правовые и неправовые нормы, можно сказать, что типичными представителями этой группы являются предприниматели, имеющие наемных работников. Ориентированные в целом на запрос правовых регуляторов, представители этой группы допускают вольную трактовку трудового и административного кодексов как необязательных к исполнению в силу риска разорения собственного бизнеса. Исходя из того, что в российском обществе нельзя быть абсолютно законопослушным идиотом, применяемые идентификационные стратегии, допуская правовую легитимацию для защиты консолидированных интересов по взаимодействию с государством, объединяются на основе неурезания или несоблюдения трудовых прав для наемных работников.

По этому поводу можно сказать, что фактически эта группа не претендует быть лидером правового поведения, хотя достаточно ясно

заявляет о претензиях на модернистский потенциал. Как пишет М.К. Горшков, нельзя забывать, что для большинства россиян приоритет интересов семьи налагается и на принятие идентификационной модели, когда самопричисление к конкретной группе рассматривается как вхождение в большую семью, хотя и не имеющей ярко выраженной внутренней общности.

Можно сказать, что полуправовые или неопределенные идентификационные стратегии отличаются от нигилистских тем, что допускают использование правовых норм для того, чтобы не выключиться из общества, и ограничивают их воздействие, чтобы не попасть в разряд законопослушных. К такому выводу мы приходим на основании того, что полуправовые идентификационные стратегии (предприниматель) содержат некую формулу отказа от безусловной абсолютной лояльности, так как сопряжены с требованием изменения законов в пользу его эффективности и, главное, справедливости.

Понимаемые таким образом правовые регуляторы утрачивают во многом универсально обязующий смысл. Идентификационные стратегии актуализируют готовность к массовому, хотя и несогласованному, неприятию правовых норм, их тихому бойкоту и сопротивлению (эта позиция создает угрозу ущемления прав) социальным интересам.

Стратегии правового неопределения на первый взгляд кажутся следствием маргинализации права, т. е. ситуации, в которой группы, ориентированные на права, признают его желательность, но в условиях маргинализации права не в состоянии реализовать собственный правовой потенциал и с недоверием относятся к структурам правоприменения. Однако подобное объяснение не может удовлетворять по двум основаниям. Во-первых, маргинализация права связана с тем, что для россиян право имеет не только низкий уровень эффективности, но и не способствует снижению социальной напряженности в обществе, его ценностно-нормативного раскола. Во-вторых, неопределенность в идентификациях, связанных с правом, имеет социально-практический смысл: направлена на то, чтобы обладать достаточным пространством социального маневра, не быть пойманным в ловушку законопослушности со стороны достаточно социально активных и обладающих агрессивными интенциями сторонников неправовых идентичностей.

Как отмечают эксперты журнала «Огонек», согласно данным «Левада-центра», 43 % россиян занимают позицию «скорее да» в оценке социальной напряженности [8]. Позиция «скорее да» также является в большей степени неопределенной. О явном росте социально-протестных настроений, так же как и об их массовости, говорить не

приходится. Но, с другой стороны, в общественной жизни разлиты раздражение, неудовлетворенность, растет отчуждение от органов власти и происходит дискредитация демократических процедур.

К представителям неопределенной стратегии можно отнести большинство россиян на том основании, что, признавая ценность права, его безусловную роль в формировании правового государства, в то, что мы называем защитой и гарантией прав и свобод граждан, сторонники неопределенного отношения вносят элемент условности в соблюдение правовых норм, высказывают, что законы надо соблюдать, но только если это делают и сами представители органов власти (от 47,1 до 51 % по возрастной дифференциации) [5, с. 49].

Сторонники этой позиции воздерживаются от правового ригоризма, от безусловного соблюдения права и являются в безусловной массе законопослушными членами общества. Но так как значение правового фактора для идентификации распространяется преимущественно на отношения с государством, удовлетворенные своей правовой позицией в отношении гражданской идентичности, неопределившиеся «либерально» относятся к тому, чтобы допускать включение в неправовые идентичности на социальном микроуровне, считать, что сфера официальных отношений не соприкасается со сферой индивидуальных свобод, понимаемых часто как неправовая свобода.

В отличие от «правоотказников» для них правовые нормы связываются со стремлением к стабильности в обществе как залогом собственного процветания, к тому, что самый плохой закон лучше беззакония. Но при этом можно выявить, что в условиях того, что пути самореализации сужаются до зарабатывания денег, именно эта сфера содержит риск правонарушения, учитывая теневизацию и полутеневизацию деловой деятельности. Если бы самореализация граждан имела иные, не связанные с меркантильными установками сферы (волонтерство, благотворительность), существовала бы возможность альтернативы неправовому действию, заинтересованность в том, чтобы социальные отношения стали более прозрачными и предсказуемыми, и была внесена и реализовалась формула взаимной ответственности граждан и власти.

В отмеченной ситуации правовые нормы, хотя и являются желательными, и это показательно на уровне принятия гражданской идентичности, не содержат позитивных последствий в виде выхода на межличностные отношения, на закрепление правовых установок на уровне социальных микроидентичностей. Коллеги по работе или близкие не воспринимаются как правосубъекты правового действия не

только потому, что право формально, но также и то, что в этой сфере реализуется неформальный социальный капитал.

Основываясь на том, что для стратегии неопределенности важным является возможности улучшить материальное благополучие, в этом смысле региональные и общероссийские показатели совпадают [9, с. 69], а возможность участия в общественной и политической жизни оценивается весьма скромно (12,4 %), можно предположить, что неопределенность выглядит более привлекательной. Даже если индивид ориентирован на участие, то предпочтение отдается неформальным, независимым от правового регулирования структурам.

Можно также сказать, что стратегии неопределенности соотносятся с декретностью идентификационных стратегий доминант в российском обществе. Так как идентификационные матрицы не могут претендовать на абсолютное доминирование в выстраивании стабильной иерархии приоритетов, право теряет свой смысл в качестве принудительного закрепления идентичности и не приобретает возможность способствовать добровольному выбору, так как идентификационные стратегии рассматриваются как способ и возможность самореализации, независимости от государства. Поэтому говорить о перспективах российской идентичности следует крайне осторожно, учитывая настороженность общества по отношению к внедрению идентичностей сверху.

Судя по данным, приведенным М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги, представители позитивной идентификационной стратегии в российском обществе хотя и не образуют относительное большинство, но и не являются значительным меньшинством (от 18,1 до 25,8 % населения) [5, с. 49]. Это недостаточный вывод для того, чтобы утверждать, что российское общество стало на путь принятия правовых идентичностей. Но в то же время это весомый аргумент в том, что российское общество не является обществом правового нигилизма. Однако в отношении сторонников позитивной идентификационной стратегии следует учитывать три обстоятельства.

Во-первых, необходимо различать мотивационные установки на безусловное принятие права, которые, в одном случае, если мы имеем дело с модернистскими устремлениями, связаны с осознанием правовых норм как норм, способствующих модернизации общественной жизни и защите личных индивидуальных прав и свобод, и с другой – патерналистов, для которых безусловная законопослушность означает лояльность по отношению к государству и связана с патерналистскими социально-опекунскими ожиданиями, а также с возможностью приме-

нения правовых санкций против тех, кто беззастенчиво и без оглядки нарушает правовые нормы [10, с. 27-37].

Во-вторых, речь идет о том, что в позитивной стратегии важно выявить взаимосвязь права и влияние права на выбор различных идентификационных матриц. Думается, что гражданская идентичность, как отмечалось ранее, может разделяться представителями и неопределенной идентификационной стратегии: различие состоит в том, что гражданство для сторонников позитивной идентификации имеет расходящийся смысл – либо как гарантия гражданского общества, либо как сильное государство.

В-третьих, в позициях россиян по отношению к праву в качестве идентификационного влияния очевидна тенденция перевода права в неформальный контекст, т. е. ассимиляции, приспособления к существующим представлениям об идентичности, к тому, какой смысл и значение вкладывать в правовое содержание идентичности [11, с. 319-358]. Таким образом, позитивная правовая стратегия не достигает того уровня мобилизованности, который бы способствовал преодолению правового нигилизма и доминированию правовых отношений в обществе.

В значительной степени, таким образом, влияние права закрепляется на уровне личной жизни и социально-профессионального выбора. Что же касается гражданско-правового аспекта, хотя 36 % отстаивают электоральные права, но только 23 % считают важным право на получение информации. Можно предположить, что для представителей позитивных идентификационных стратегий информационный ресурс не имеет важного значения, так как собственное самоопределение, мнение об объектах складываются на основе уже закрепившихся схем восприятия и в соответствии с принятым социальным самоопределением.

Достаточно недвусмысленно разделяется сфера, в которой человек в состоянии влиять на что-то (уровень социальной микроидентичности) и не оказывает никакого влияния (положение в обществе в целом). Подобная позиция приводит к тому, что позитивные стратегии, имея значение в качестве маркера для отделения от стратегий правового отказа как способности поддержать в обществе правовой минимум, не включают условие мобилизации и консолидации в том, что касается реализации позитивной идентичности на уровне общественных инициатив. Сфера отношений между личностью и государством так и остается сферой подчинения. Перспективы социального партнерства откладываются. Это касается системных обобщений.

На социальном микроуровне влияние права ограничивается предпочтением законопослушных людей, что положительно сказывается на закреплении правовой культуры и в то же время не обязует к

активному противодействию или нейтралитету по отношению к неправомерному отношению, тому, что можно назвать способностью общества противостоять неправомерным действиям. Борьба против преступности, коррупции, административных правонарушений возлагается на правоохранительные структуры (государство), хотя позитивный момент имеется в том, что формируется культура оповещения, информирования о неправомерных действиях.

На это нацелены законодательные акты государства, которое осознает, что в условиях наступления неправомерного насилия справиться правоохранительным структурам с этой проблемой достаточно сложно. Этот момент нельзя преувеличивать в позитивном значении, так как, очевидно, представители позитивной стратегии не обладают готовностью включиться в борьбу с преступностью.

Полагая, что влияние позитивных стратегий определяется перекосом в сторону реализации личных целей, а общественная (гражданская) активность ассоциируется со стремлением к власти или участием во власти [8], можно говорить о том, что позитивное влияние права ограничивается наличием, с одной стороны, индивидуальных приоритетов, с другой – тем, что жизненные планы представителей позитивных стратегий являются в хорошем смысле обывательскими (76 % мечтают о свободном времени, 72 % – о путешествиях по странам мира, 79 % – иметь хорошее образование) [8], эти стремления коррелируются с общим представлением о цивилизованной идентичности и не соотносятся полностью с принятием правовой культуры.

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, в российском обществе в наибольшей степени представлена стратегия правовой неопределенности, что связано с последствиями маргинализации права и одновременно растущим запросом на усиление влияния права в отношениях общества и государства.

Во-вторых, влияние права на формирование идентичности выражается в выборе гражданской идентичности. Присутствие права в иных идентификационных матрицах можно соотнести с тем, каким образом способности права могут закрепить и реализовать индивидуальные и групповые интересы, способствовать разделению, маркизации с другими, ориентированными на иные ценности.

Литература

1. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

References

1. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / ruk. proekta i отв. red. L.M. Drobizheva. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. 485 p.

2. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта / отв. ред. Ю.Г. Волков. М. : Социально-гуманитарные знания, 2016. 422 с.

3. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. 244 с.

4. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2015. 320 с.

5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. 592 с.

6. О чем мечтают россияне? [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html (дата обращения: 22.01.2017).

7. Готово ли российское общество к модернизации [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html (дата обращения: 22.01.2017).

8. Россиянин, которого нет [Электронный ресурс] // Огонек. 2014. № 6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2404691> (дата обращения: 22.01.2017).

9. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Волков Ю.Г., Гвинтовкин А.Н., Садко Д.О., Черноус В.В. Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области. / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Антей, 2012. 172 с.

10. Лубский А.В., Лубский Р.А. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4. С. 27–37.

11. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 392 с.

2. Natsional'naya politika v Rossii: vozmozhnost' implementatsii zarubezhnogo opyta / otv. red. Yu.G. Volkov. M. : Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2016. 422 p.

3. Konstruirovaniye obshcherossiyskoy identichnosti v kontekste mezhetnicheskogo i mezhrefigioznogo vzaimodeystviya / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D. : Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 244 p.

4. Tsennostnaya politika i institutsional'nye praktiki v sfere mezhetnicheskikh otnosheniy v ekonomicheskii razvitykh stranakh so slozhnoy etnokul'turnoy strukturoy / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D. : Fond nauki i obrazovaniya, 2015. 320 p.

5. M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskiy portret. M. : TsSPiM, 2010. 592 p.

6. O chem mechtayut rossiyane? [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html (data obrashcheniya: 22.01.2017).

7. Gotovo li rossiyskoe obshchestvo k modernizatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html (data obrashcheniya: 22.01.2017).

8. Rossiyanin, kotorogo net [Elektronnyy resurs] // Ogonek. 2014. № 6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2404691> (data obrashcheniya: 22.01.2017).

9. M.Yu. Barbashin, F.A. Barkov, Yu.G. Volkov, A.N. Gvintovkin, D.O. Sadko, V.V. Chernous. Dvadtsat' let reform v Rossii glazami zhiteley Rostovskoy oblasti / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D. : Antey, 2012. 172 p.

10. Lubskiy A.V., Lubskiy R.A. Che-lovek v Rossii i na Zapade: kontsepty diskursivnogo myshleniya // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2012. № 4. P. 27–37.

11. Mental'nye programmy i modeli sotsial'nogo povedeniya v rossiyskom obshchestve: monografiya / otv. red. A.V. Lubskiy. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 392 p.

Поступила в редакцию

21 января 2017г